

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки: на годъ 7 р., на 6 мѣс. 3 р., на 3 м. 1 р. 25 к., на 2 мѣс. 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 65 к.

Съ доставкой и пересылкою: на годъ 8 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р., на 2 мѣс. 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 75 к. Отдѣльные №№ въ конторѣ редакціи и въ частъ продажъ по 5 к.

За перемѣну адреса многогород. подлннск. упла- тивъ 20 к., а городскіе, переходя въ многог.,—30 к.

Подписка принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная плата загранику: а) до 10 и 1/2 про- центъ бездоставочныхъ цѣнъ. Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ редакціи (Кремль, № 36), отъ 10 ч. утра до 8 ч. веч., въ праздники отъ 12 до 3 ч. дня.

Адресъ типогр. газеты: Пушкинская 4.

КРЕМЛЬ ОТКЛКЛ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА.

УСЛОВІЯ ПЕЧАТАНІЯ ОБЪЯВЛЕНІЙ

За одну строку въ столбцѣ или въ нѣсколь- кохъ строкахъ за первый разъ 40 к., за каждый слѣ- дующій разъ по 20 к.; поэма текста—за первый разъ 20 к., за слѣд. разы по 10 к. При объявленіяхъ объявленіяхъ дѣляется соотвѣствующая уступка. Лица, нанимающія трудъ, пользуются уступкою въ раз- мѣрѣ 50%.

Рукописи должны быть за подписью подписан- та и адресомъ автора и подписанты, въ случаѣ не- добности, измѣненійъ и сокращенійъ. Желаю- щіе получить обратно неопечатанные рукописи должны приложить жребіи изъ пересылки. Мелкіе статьи, замѣтки и стихотворенія не возвращаются.

Редакция для личныхъ объясненій открыта ежедневно отъ 3 до 4 ч. дня.

Редакция и гл. контора помѣщ.: Кремль, 36. Тел. № 599

Печать.

* * * «Новое Время» изъявило желаніе
приять похороны Чехова на свой
счет,—то самое „Новое Вр.“, которое
рукою своего „палача“ Бурешина еще
подавно добивало больного писателя.
Г. Дорошевичъ горячо и ѣдко вскры-
ваетъ это грубое лицемеріе,—впрочемъ,
обычное и достаточно всѣмъ извѣстное.

Три мѣсяца назадъ въ „Нов. Вр.“
были напечатаны слѣдующія строки:

Въ послѣднее время г. Чеховъ въ нѣкото-
рой части теперешней журнальной критики

вспасивается довольно усиленно на известиях такой непотребной шпесности, на которых, его, во всяком случае, средней величины для театруннхъ образъ можетъ представиться, и жалуй, и советамъ маленькимъ.

Чеховъ является драматургомъ не только слабымъ, но почти курьезнымъ, въ достаточной мѣрѣ пустымъ, вялымъ, однообразнымъ. Драмъ г. Чехова, *хеситра* на все изъ рекламную *салу*, не могутъ даже называться драмъ: это какія-то, если такъ можно выразиться, упражненія въ будто бы естественныхъ, и, въ сущности, книжно выдуманныхъ, иногда прямо глупыхъ и почти всегда безсодержательныхъ разговорахъ.

Дальше идетъ уже форменная гнусная клевета:

Въ театрѣ г. Станиславскаго шумный успѣхъ эти дѣй пьесы („Дядя Ваня“ и „Три сестры“) имѣли не потому, чтобы отличались какими-либо действительно художественно-драматическими достоинствами, а потому, что авторъ изобильно, такъ сказать, проливалъ изъ тѣхъ дешевыми шпесками, которыми такъ прожился театр г. Станиславскаго, которыми онъ держался и держится, которыми постоинно шумитъ и гремитъ гораздо болѣе, чѣмъ ирой артистовъ. Почти все дѣйствіе въ „Дядѣ Ванѣ“ происходитъ подъ аккомпаниментъ трещанія сверчковъ, шума дождя, брещанія на гитарѣ, битія въ сторожевую доску и тому подобныхъ мнимо-реалистическихъ эффектовъ, особенно расточаемыхъ „подъ занавѣсъ“ при концѣ каждаго дѣйствія. Въ „Трехъ сестрахъ“ этого добра тоже подпущено столько, что, право, *созвѣстна* становится за талантъ автора, приближающаю къ такою рода помощи для „успѣха“ *явно надуманнымъ, безсодержательнымъ, порою совершенно тупымъ діалогомъ* и „бездѣлствіемъ“ этой пресловутой пьесы.

Цѣя рука, грязная и мерзкая, могла ударить плетью, такой же грязной и мерзкой, по пострадавшей душѣ умирающаго писателя?—восклицаетъ г. Дороневичъ.—Кто могъ сдѣлать это, кромѣ „старого палача“? Кромѣ г. Буренина?

Безсильному, старому, беззубому „палачу“, ему только мучить умирающихъ, кидать грязью въ лежащихъ въ предсмертной агоніи, отравлять имъ послѣдніе часы. Та же мерзкая рука, которая бичевала умирающаго Надсона, протинулась, чтобы помучить и умирающаго Чехова.

Изъ кандалнаго отдѣленія „Новаго Времени“,—продолжаетъ фольетонистъ „Рус. Сл.“,—выползъ ихъ старыи палачъ и своею грязной, липкой, холоднющей рукой „жизлей“ за умирающаго.

За страдальца.

— Тутъ-то я тебя и напугаю. Успѣхъ имѣлъ? Къ Тургеневу приравниваютъ? Къ Гоголю? А я-то не Бѣлинскій? Не Добролюбовъ? Ну-ка, сдѣ у тебя мѣстечко побольше? Сейчасъ я тебя...

И началъ мерзкими, липкими руками высккивать на больного тѣлѣ, гдѣ бы ударилъ:

— Чтoby побольше было. Побольше!

Талантливы, бездарны, даже умены, не умены—все это было възглядъ читателей и критики.

Но есть у писателя истинная гордость:

— Чего добился, добился честно, прямо, только своимъ талантомъ. Больно не обязанъ ничему!

И въ это-то больное мѣсто направилъ „старый палачъ“ свой ударъ.

— Скроменъ? Вотъ по этому-то мѣсту я тебя!

„Рекламенстъ“.

И по больному оцъ разъ.

— Ещѣ, ещѣ, дай тебя по этому-то мѣсту хлестну! „Аферистъ“. На „штуки“ пускаешься!

Больно?—Въ этомъ и состоитъ искусство „старого палача“.

Какая, поистинѣ, омерзительная картина мучительства надъ умирающимъ.

И какое, поистинѣ, христианское восклицаніе „Новаго Времени“, когда умеръ А. П. Чеховъ:

„Одно сознаешь, какъ мало мы вообще цѣнимъ людей при ихъ жизни, и какъ они разомъ выростають передъ очами нашей души, когда закроетъ ихъ гробовая крышка!“

Русское общество, и увѣренъ, съ удовольствіемъ узнало, что благочестивое и великодушное предложеніе „Новаго Времени“ принять похороны А. П. Чехова на свой счетъ „отклонено“.

Этого не могла бы допустить общественная нравственность.

* * А. Ф. Марксъ пытается отразить упреки, посыпавшіеся на него послѣ кончины А. П. Чехова. Какъ извѣстно, юркаго издателя упрекали въ безцеремонной эксплуатаціи непрактичнаго писателя, закабалившаго себя невыгоднымъ контрактомъ.

За 75,000 р.,—пишетъ г. Марксъ, въ письмѣ къ издателю „Нов. Вр.“,—о которыхъ вы говорите, мною пріобрѣтено отъ А. П. Чехова только то, что имъ было напечатано до заключенія договора, т. е. до 1899 года. Все послѣдующія произведенія онъ печаталъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ за особый гонораръ, получая отъ меня дополнительный гонораръ, доходившій до 1,000 руб. съ печатнаго листа. Изданное мною собраніе сочиненій Чехова редактировано самимъ авторомъ, и въ него вошли только произведенія, имъ самимъ указанныя. Упомянутые 75,000 руб. уплачены мною не въ теченіе 3 лѣтъ, а менѣе чѣмъ въ 2 года. Все вышесказанное можетъ быть подтверждено документами.

Г. Суворинъ сопровождаетъ это письмо контръ-возраженіемъ, въ которомъ, между прочимъ, пишетъ:

Чеховъ писалъ мнѣ, между прочимъ, слѣдующее 27 января 1899 года:

„Сергѣенко телеграфируетъ, что договоръ уже нотаріально подписанъ. Что-то еще изъ счетъ неустойки, но я не понялъ изъ телеграммы. Авось все сойдеть благополучно. Я получаю 75,000 въ три срока; будущія произведенія, предварительно напечатанныя, пойдуть за 250 руб. листъ, съ надбавкой по 200 руб. черезъ каждыя 5 лѣтъ. Доходъ (театральный гонораръ) съ пьесъ принадлежитъ мнѣ, потомъ моимъ наследникамъ. *Послѣдній пунктъ я отговаривалъ, приступомъ взялъ*“.

Отсюда слѣдуетъ, что Чеховъ продалъ въ полную собственность г. Маркса, т. е. на всю свою жизнь и на 50 лѣтъ послѣ своей смерти, за 75,000 руб. не только то, что было напечатано до 1899 г., какъ утверждаетъ г. Марксъ, но и все то, что будетъ напечатано.

Вторая неточность заключается въ фразѣ г. Маркса: „получая отъ меня дополнительный гонораръ, доходившій до 1,000 руб. съ печатнаго листа“. Изъ письма Чехова слѣдуетъ, что дополнительный гонораръ въ первыя пять лѣтъ, т. е. до 1904 года, равняется 250 руб. съ печатнаго листа, а тысячѣ рублей съ этого листа онъ будетъ равняться только съ 1923 г.

Чеховъ дожилъ бы до этого гонорара только въ возрастѣ 63 лѣтъ. Разсказывая мнѣ о свиданіи съ г. Марксомъ, Чеховъ мнѣ не говорилъ о какихъ-нибудь измѣненіяхъ въ условіяхъ, а потому я могу сказать, что г. Марксъ не имѣетъ права говорить о гонорарѣ въ 1,000 руб. съ листа, который онъ будто бы уплачивалъ, и пока г. Марксъ не разъяснитъ этого обстоятельства, я буду считать, что онъ хочетъ этою тысячею ввести въ заблужденіе публику.

Между прочимъ, г. Суворинъ сообщаетъ такой характерный курьезъ:

Чеховъ мнѣ показывалъ письмо г. Маркса, въ которомъ онъ поздравлялъ Чехова съ честью быть приложеннымъ къ „Нивѣ“, а Чеховъ былъ такъ деликатенъ, что благодарилъ его и за это, хотя это приложеніе дѣлало честь „Нивѣ“, а советъ не Чехову, приносило барыши г. Марксу, и убытокъ Чехову.

* * Ки. Менцерскій увѣряетъ, что

понади Чеховъ прямо изъ крестьянской среды въ хорошую дворянскую, *напримѣръ, средю*, особенно женскую,—онъ бы не только не могъ утолить жажду своего таланта „Дядями Ванями“, но онъ въ творенія цѣльныхъ и сильныхъ положительныхъ русскихъ типовъ пошелъ бы дальше и выше Тургенева.

Вотъ ужъ действительно исключительный образецъ выдержаннаго на-правленія. Затвердила сорока про Якова—одно про великаго.
